

Ф.А. Головин: либеральный политик революционной эпохи

Pëtr Gordeev

F.A. Golovin: the liberal politician of the revolutionary era

Petr Gordeev

(Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg)

DOI: 10.31857/S086956870013448-3

Среди российских либеральных политиков начала XX в. Фёдору Александровичу Головину принадлежало видное место. Ему дважды выпадала честь занимать должности общенационального значения: председатель II Государственной думы в 1907 г., десять лет спустя он был назначен комиссаром над бывшим Министерством императорского двора, в ведении которого находились важнейшие учреждения культуры и искусства. Несмотря на это, его личность и деятельность, отразившиеся во многих публикациях и документах, разбросанных по московским и петербургским архивам, почти не привлекали внимание исследователей: до сих пор ему посвящено лишь несколько более или менее полных энциклопедических статей¹. Настало время пристальнее взглянуть на эту, по-своему характерную, фигуру отечественной истории.

Потомок древнего рода, Головин с юности был окружён «преданиями веков». В написанном в 1919 г. мемуарном очерке «Последние Головины» он вспоминал: «На днях мне попала в руки старая книжка — “Родословная Головиных, владельцев села Новоспасского”, собранная П. К[азанским] и изданная в Москве в 1847 г. Когда-то, в дни ранней юности, я любил эту книжку, прочёл её от строки до строки не один раз и хорошо знал её содержание. Тогда я кичился своею принадлежностью к древнему боярскому роду Головиных. Я читал эту книжку с чувством уважения к доблести своих предков и желания быть достойным носить их имя. Эти чувства во мне развивали и поддерживали Лицей цесаревича Николая, где я получил своё образование², и мои тётушки, Анна Павловна Головина и Екатерина Павловна Неелова, рождённая Головина. Но дальнейшее моё образование в Московском университете, затем продолжавшееся самообразование, а главное, знакомство с жизнью, с идеалами рус-

© 2021 г. П.Н. Гордеев

¹ *Гайда Ф.А.* Головин Фёдор Александрович // Российский либерализм середины XVIII — начала XX века: энциклопедия / Отв. ред. В.В. Шелохаев. М., 2010. С. 193; *Голостенов М.Е.* Головин Фёдор Александрович // Политические деятели России 1917: биографический словарь. М., 1993. С. 81; *Голостенов М.Е., Нарский И.В.* Головин Фёдор Александрович // Политические партии России. Конец XIX — первая треть XX века. Энциклопедия. М., 1996. С. 156; *Серков А.И.* Русское масонство 1731—2000: энциклопедический словарь. М., 2001. С. 256, 257; Головин Фёдор Александрович // Московская энциклопедия. Т. 1. Кн. 1. М., 2007. С. 406—407; Головин Фёдор Александрович // Государственная дума Российской империи: 1906—1917: энциклопедия. М., 2008. С. 133; *Дёмин В.А.* Головин Фёдор Александрович // Россия в 1905—1907 гг.: энциклопедия. М., 2016. С. 188—189.

² А не в «знаменитом Училище правоведения», как иногда полагают исследователи: *Зимин И.В.* Царские деньги: доходы и расходы Дома Романовых: повседневная жизнь Российского императорского двора. М.; СПб., 2011. С. 479.

ской интеллигенции, наконец, работа в земстве и сближение с так называемым “третьим элементом” в земстве совершенно уничтожили моё прежнее чванство своим происхождением и сделали из меня убеждённого демократа и врага словных привилегий. “Родословную Головиных” я забросил на десятки лет»³.

Домашняя обстановка не предвещала будущей политической карьеры: «Детство, отрочество и раннюю юность я проводил в нашей семье, которая жила очень уединённо. У нас было мало знакомых, почти никого родных. Я боялся людей, был застенчив до крайности, краснел до слёз, часто без причины, боялся говорить в обществе и даже в своей семье, за что и получил прозвище “лицо без речей”»⁴. В 1891 г., окончив «и гимназический, и университетский курсы в Лицее цесаревича Николая в Москве, в так называемом “Катковском” лицее», Головин поселился в родовом имении Деденево, «расположенном в 50 верстах от Москвы по Дмитровскому шоссе и в 12 верстах от г. Дмитрова», где прожил до февраля 1898 г. «В эти 6 лет, — отмечал Фёдор Александрович, — я хорошо ознакомился с местной жизнью и местными административными и общественными деятелями»⁵. В 1896 г. Головин стал гласным Московского губернского земского собрания, с которым затем был связан в течение многих лет. С 1898 г. будущий председатель Думы являлся членом, а в 1904—1907 гг. — председателем Московской губернской земской управы. Тогда же, на рубеже XIX—XX вв., у него зародилось увлечение политикой: он входил в состав знаменитого кружка «Беседа»⁶. Д.Н. Шипов писал об участии Головина, «убеждённого конституционалиста и принципиального противника существовавшего государственного строя», в совещаниях земских деятелей в 1902—1903 гг., в делегации земцев, принятой в 1903 г. министром внутренних дел В.К. Плеве, и в переговорах в 1905 г. с председателем Совета министров гр. С.Ю. Витте о вхождении либералов в правительство⁷. А.А. Кизеветтер видел в Фёдоре Александровиче в те годы «последовательного конституционалиста, члена левого крыла земского движения»⁸. Головин участвовал в первом легальном Земском съезде, проходившем в Петербурге в ноябре 1904 г., в коалиционном съезде земских деятелей в мае 1905 г., общероссийских съездах земских и городских деятелей в июле, сентябре и ноябре 1905 г.⁹ «Я помню, — писал он позднее в очерке, посвящённом деятельности III Думы, — Москву 18 октября, в день объявления манифеста. Ликование было без конца. Слёзы радости виднелись на лицах людей, которые никогда не плачут»¹⁰.

Свои политические настроения Ф.А. Головин выразил тогда в письмах к М.В. Челнокову, с которым они дружили семьями и вместе работали в московском земстве¹¹. 15 июля 1905 г. Фёдор Александрович жаловался ему на обыск:

³ РГИА, ф. 1625, оп. 1, д. 1, л. 1. О родословной Ф.А. Головина см.: *Соловьёв М.В.* Дворяне Головины: Новоспасско-Деденевская (Спасо-Влахернская) ветвь. М., 2000.

⁴ Воспоминания Ф.А. Головина о II Государственной думе // Исторический архив. 1959. № 4. С. 146.

⁵ РГИА, ф. 1625, оп. 1, д. 2, л. 1.

⁶ РГАЭ, ф. 9590, оп. 1, д. 105, л. 91; *Соловьёв К.А.* Кружок «Беседа»: в поисках новой политической реальности, 1899—1905. М., 2009. С. 47—48.

⁷ *Шипов Д.Н.* Воспоминания и думы о пережитом. М., 2007. С. 183, 239, 241, 256, 348—351.

⁸ *Кизеветтер А.А.* На рубеже двух столетий. Воспоминания 1881—1914. М., 1997. С. 249.

⁹ РГИА, ф. 1625, оп. 1, д. 13, л. 1; Либеральное движение в России 1902—1905 гг. М., 2001. С. 78, 138, 242, 256—259, 390, 391, 436—439.

¹⁰ РГИА, ф. 1625, оп. 1, д. 8, л. 3.

¹¹ ГА РФ, ф. 810, оп. 1, д. 564, л. 2—3 об.; *Селезнев Ф.А.* Михаил Васильевич Челноков // Вопросы истории. 2004. № 6. С. 87.

«Ты, вероятно, уже знаешь, что в ночь на 14 число ко мне на квартиру явились пристав и жандармский офицер с требованием выдать им документы, касающиеся съезда 6 июля... По поводу таких мероприятий по совету Муромцева и Козлова я решил скандальничать в Петербурге, для чего и приехал сюда сегодня. Я обращусь к Сольскому и в возможно ярких красках опишу ему условия, в которых приходится работать людям, желающим на основании Указа 18 февраля представить свои соображения в Совет министров по вопросу государственного благоустройства»¹². К этому времени Головин уже находился под негласным надзором полиции, и сотрудники охранного отделения пристально следили за его перемещениями в Москве и Петербурге¹³. Неудивительно, что протесты не имели ожидаемого результата. В бумагах П.Н. Милюкова сохранилась копия протокола о посещении полицией квартиры Головина 2 июля 1905 г. (перед земским съездом, проходившим 6—8 июля). Полицейские указали присутствовавшим там земцам на отсутствие у них разрешения на проведение собрания, те же вписали в протокол, что «вход полиции в частное помещение, где собрались для совместной беседы частные лица, не нарушающие ничем порядка, принадлежит к актам, делающим совершенно невозможным мирное течение жизни»¹⁴.

2 августа Головин с иронией сообщал Челнокову: «Ждём закона о Госуд[арственной] думе. По слухам, лидером либеральной партии на заседаниях в Петрограде был Трепов. Хороша компания!»¹⁵. Но уже 9 августа, узнав о созыве «булыгинской» думы, Фёдор Александрович негодовал: «Дорогой Михаил Васильевич, дожили мы с тобой до объявления Госуд[арственной] думы, — да ещё какой! Неужели верхи нашего правительства искренно воображают, что подобная Дума успокоит общественное движение? Когда государство нуждается в серьёзной операции для своего излечения, ему прописывают капли брома, да ещё плохого, взятого из мелочных лавочек уездных городишек. По своему составу Дума будет, вероятно, “черносотенная”. Ты, наверно, обратил внимание на расписание выборщиков. Так, тот уезд, в котором ты сейчас живёшь, посылает 1 выборщика от крестьян, 1 от землевладельцев и 6 от горожан. А в богоспасаемом граде Дмитрове свил себе прочное гнездо “союз русских людей” из Коннозаводства. Хорошо и право законодательной инициативы! А размер ценза! И ко всему этому надо ещё прибавить строгое запрещение собраний и союзов, стеснение печати. При хороших условиях будут происходить эти хорошие (так в тексте. — П.Г.) выборы! Вся эта “Дума” — сплошное глумление над обществом! Теперь надо ждать сильного революционного движения. Умеренным элементам пока делать нечего». При этом он не солидаризовался с революционерами, полагая, что «покой и тишина нарушены будут, конечно, и скоро, но не нами. Мы же должны вновь заговорить тогда, когда страна будет в сильном волнении, и говорить для того, чтобы успокоить волнение. Такая политика наша была бы в интересах дела, нами защищаемого, — мирного реформирования государственного строя»¹⁶. По-видимому, предполагалось, что это вызовет сочувствие и у влиятельных лиц в правитель-

¹² ГА РФ, ф. 810, оп. 1, д. 148, л. 20—21.

¹³ Там же, ф. 63, оп. 44, д. 6023, л. 1—2 об.; ф. 102, оп. 81, 3-е делопроизводство, 1885 г., д. 854, ч. 1, л. 1—2.

¹⁴ Там же, ф. 579, оп. 3, д. 124, л. 2—2 об.

¹⁵ Там же, ф. 810, оп. 1, д. 148, л. 29 об.

¹⁶ Там же, л. 30—30 об., 32 об.

ственных сферах. Во всяком случае, 19 августа, после завершения переговоров в Портсмуте, Головин написал Челнокову: «Поздравляю тебя с миром. Какой дипломат у нас выискался! Теперь Витте опять пойдёт в гору. Думаю, что при настоящем положении нашей внутренней политики он встанет на сторону сторонников конституции»¹⁷.

Вскоре Головин становится одним из видных членов кадетской партии, в 1906 г. входит в состав ЦК, баллотируется во II Думу, сформированную, по его словам, «при самом беззастенчивом давлении правительства на совесть избирателей и часто незаконным вмешательством (так в тексте. — П.Г.) в самые выборы»¹⁸. Вместе с пятью другими общественными деятелями он стал депутатом от Московской губ., причём по количеству избирательных шаров уступил лишь Челнокову (за Головина — 58 избирательных и 48 неизбирательных шаров, за Челнокова — 59 и 47)¹⁹.

Головин был избран председателем на первом заседании Думы 20 февраля 1907 г. (за него подали 356 шаров, против — 102)²⁰. Прежде его нередко (и, как правило, невыгодно) сравнивали с председателем I Думы С.А. Муромцевым. «Но странно сравнивать, — отметила 21 февраля 1907 г. в дневнике Е.Я. Кизеветтер, — Муромцев ещё задолго знал, что его выберут председателем, ведь состав Первой Думы предугадывался до выборов. Муромцев знал и готовился к этому, усердно изучал “регламенты” западных парламентов. А ни Головин, ни его партия не знали, что Головин будет председателем. Его стали намечать только в последнее время перед выборами, да и то не знали, во-первых, пройдёт ли он по Москве в Думу, во-вторых, пройдёт ли он в Думе в председатели. Какова будет Дума? Допустим теперь, что он и безупречен. Кто же был бы лучше? Не приходит в голову никого, кого можно было бы наметить». Кизеветтер не скрывала, что на неё «Головин производит очень хорошее впечатление»: «Всегда ровный, бесстрастный, равно беспристрастный и к правым, и к левым, стойкий в своих требованиях, Головин, мне кажется, импонирует Думе. На всей его фигуре, сухой и корректной, лежит отпечаток благородства и выдержанности»²¹.

Интересную зарисовку о встрече с Головиным оставил директор императорских театров В.А. Теляковский. Министр двора барон В.Б. Фредерикс направил его к председателю Думы, проживавшему в гостинице «Европейская», для разговора о временном перемещении думских заседаний в Михайловский театр из-за того, что в Таврическом дворце обвалился потолок. Барон просил быть с депутатами «любезным и предупредительным, но по возможности стараться отклонить их просьбу, ибо нам эта комбинация принесёт убыток и много хлопот». Исполнив просьбу своего начальника, директор театров отметил в дневнике 4 марта 1907 г.: «На меня Головин сделал очень хорошее впечатление — он человек воспитанный, обстоятельный, образованный и культурный. Говорил я с ним о театрах, причём оказалось, что он следит за современной литературой, посещает театры и критически относится ко всему виденному.

¹⁷ Там же, л. 33.

¹⁸ РГИА, ф. 1625, оп. 1, д. 4, л. 3.

¹⁹ Там же, ф. 1278, оп. 1, II созыв, д. 106, л. 16; д. 612, л. 9, 11.

²⁰ Государственная дума. Сессия II. Стенографический отчёт. [СПб., 1907]. С. 7.

²¹ *Кизеветтер Е.Я.* Революция 1905—1907 гг. глазами кадетов: (Из дневников) / Публ. М.Г. Вандалковской, А.Н. Шаханова // Российский архив. История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв. М., 1994. С. 378.

Сочувствует всему новому и интересному и ценит вообще искусство. В разговоре со мной он высказал своё предположение относительно трудности вести теперь дело театров и особенно репертуара, говорил о Художественном театре и его влиянии. По поводу новой Думы он сказал, что она много левее первой, и среди левых очень много некультурных людей; отсутствие интеллигенции сильно будет затруднять работу, хотя он надеется, что благоразумие возьмёт верх и будут стараться не обострять отношения с правительством». В тот же день Теляковский доложил о результатах переговоров Фредериксу, который «благодарил за исполнение поручения и особенно за то, что обошёлся я любезно и тактично с членами Думы и Головиным и устроил так, что Михайловский театр не будет дан для Думы не из-за нашего нежелания, а из-за того, что помещение это не подходит. Барон вообще мне говорил, что он не понимает этих пренебрежительных отношений, с которыми обращаются к Головину наши сановники»²². Впрочем, сам Головин жаловался в мемуарах на «противодействие... со стороны министра двора, барона Фредерикса, когда наметили для заседаний Думы Михайловский театр»²³.

Несмотря на весьма краткий период существования II Думы, председатель успел от неё устать. «Надеюсь видеть тебя в Москве..., — писал он 14 апреля 1907 г., выезжая из Петербурга, Челнокову, избранному депутатами в секретари (и развившему на этом посту “бурную деятельность”²⁴). — Я думаю, что тебе Дума опостылела так же, как и мне»²⁵. Служивший в канцелярии Государственной думы Г.А. Алексеев сообщал отцу 25 февраля: «В Думе Головин не засиживается: приезжает к самому началу заседаний и немедленно по их закрытии уезжает. Держит себя крайне неприступно, ни разу ещё не посоветовался с Глинкой и не спросил его даже о наступающих делах. Несомненно, и на дому он не работает, так как иначе он не обнаруживал бы такого постыдного невежества»²⁶. По мнению Алексеева, это был «очень и очень плохой председатель», хотя иногда всё же «держал себя молодцом» (например, во время скандала, устроенного В.М. Пуришкевичем 29 марта)²⁷. Я.В. Глинка, фактически руководивший думским аппаратом, не без иронии вспоминал: «Всем ворочал Челноков. Головин был марионеткой в его руках. Усы кверху а-ля Вильгельм, всегда улыбающийся, самодовольный вид. “Подскажите ему, — обращался ко мне Челноков, — чтоб он не сел в лужу”. “Издайте закон”, [— говорил он мне,] если ему надо было сделать распоряжение по канцелярии»²⁸.

Головину, который до своего избрания «не успел изучить технику парламентского делопроизводства»²⁹, многому приходилось учиться на ходу. Так, 6 мая, после произведённого полицией обыска на квартире депутата И.П. Озола,

²² Теляковский В.А. Дневники директора Императорских театров. 1906—1909. Санкт-Петербург. М., 2011. С. 157—158.

²³ Воспоминания Ф.А. Головина о II Государственной думе // Исторический архив. 1959. № 4. С. 152.

²⁴ Шевырин В.М. Михаил Васильевич Челноков // Россия и современный мир. 2008. № 1. С. 204; Глинка Я.В. Одиннадцать лет в Государственной думе: 1906—1917. Дневник и воспоминания / Публ. Б.М. Витенберга. М., 2001. С. 47.

²⁵ ГА РФ, ф. 810, оп. 1, д. 148, л. 12 об.

²⁶ Представительные учреждения Российской империи в 1906—1917 гг. Материалы перлюстрации Департамента полиции / Отв. ред. В.В. Шелохаев, сост. К.А. Соловьёв. М., 2014. С. 55.

²⁷ Там же. С. 55, 69.

²⁸ Глинка Я.В. Указ. соч. С. 47.

²⁹ Воспоминания Ф.А. Головина о II Государственной думе // Исторический архив. 1959. № 4. С. 144.

входившего в социал-демократическую фракцию, Головин известил Челнокова: «Я немедленно телефонировал Столыпину, который на мой вопрос, знает ли он о поведении полиции по отношению к членам Думы на кв[артире] Озола, ответил, что знает, что получены сведения, очень верные, что там происходит заседание боевой организации с.д. партий (так в тексте. — П.Г.), что там находится (так в тексте. — П.Г.) прокурор и следователь, так что “законность обеспечена”, что неприкосновенность депутата нельзя понимать в том смысле, что нельзя полиции шарить по его карманам, когда ей заблагорассудится, и т.п. Тем наш разговор и окончился». Явно озадаченный председатель предлагал созвать президиум для обсуждения случившегося³⁰. Оно действительно заслуживало внимания: найденная у Озола записка, показавшаяся подозрительной, была использована затем правительством как предлог для ареста всей фракции³¹.

В речи, произнесённой сразу после избрания председателем, Головин, выражая признательность членам Думы, обещал оправдать их доверие: «Стремясь к беспристрастному ведению прений и к охране свободы слова, я почту своим долгом неуклонно заботиться и о поддержании достоинства Думы»³². Однако удавалось ли ему остаться нейтральным спикером?

На первых десяти заседаниях (с 20 февраля по 15 марта) Головин 21 раз делал замечания правым и октябристам (в том числе Пуришкевичу — неоднократно, а также гр. В.А. Бобринскому, С.Т. Варун-Секрету, В.Г. Ветчинину, П.Н. Крупенскому, П.А. Крушевану, Л.Г. Люцу, В.Ф. Мельнику, П.В. Синадино, И.П. Созоновичу, гр. В.В. Стенбок-Фермору, С.А. Шидловскому, В.В. Шульгину и другим, как правило, шумевшим или допускавшим некорректные выражения во время выступлений своих оппонентов)³³ и 14 раз прерывал левых ораторов (Г.А. Алексинского, В.Г. Архангельского, А.А. Булата, А.Л. Джапаридзе, Н.И. Долгополова, Л.В. Карташева, В.Б. Ломтатидзе, И.А. Петрова, Е.И. Сорокина, С.Х. Тер-Авекитянца, И.Г. Церетели и др.)³⁴. Пять раз ему приходилось призывать к порядку однопартийцев (М.-Г. Махмудова — дважды, В.И. Долженкова, А.А. Кизеветтера и Т.Т. Нороконева)³⁵. Отвечая 30 июня 1917 г. на вопросы Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства, Головин признал, что во II Думе с правыми у него «не было почти никакого контакта»: «Представителей правого крыла я видел только на заседаниях». Напротив, с некоторыми социал-демократами он «был достаточно близок»³⁶. В воспоминаниях Фёдор Александрович не забыл упомянуть про отличавшее левых «тупое самомнение опьяневшей от недавнего неожиданного успеха необразованной и озлобленной молодёжи», но всё-таки утверждал, что «вера в непогрешимость проповедуемых ими идей и несомнен-

³⁰ ГА РФ, ф. 810, оп. 1, д. 148, л. 15—16 об.

³¹ Из записок председателя II Госуд[арственной] думы Ф.А. Головина // Красный архив. 1930. № 6. С. 62; Воспоминания Ф.А. Головина о II Государственной думе // Исторический архив. 1959. № 6. С. 62, 63, 71.

³² Государственная дума. Сессия II... С. 8.

³³ Там же. С. 26, 27, 37, 121—125, 138, 139, 313, 374, 376, 379, 382, 383, 434, 446, 447, 450, 458, 459, 472, 475, 483, 506, 509, 522, 530, 532, 592, 593.

³⁴ Там же. С. 27, 125, 162, 237, 246, 370—372, 381, 456, 461, 462, 465, 467, 495, 497, 555, 560, 561, 565, 576, 620—625.

³⁵ Там же. С. 27, 55, 483, 529, 594.

³⁶ Падение царского режима. Стенографические отчёты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. Т. V. М.; Л., 1926. С. 369, 371.

ная бескорыстность и готовность к самопожертвованию... возбуждали симпатию к ним объективного и беспристрастного наблюдателя». Совсем «не такое чувство» возникало у него при взгляде на правое крыло, где «прежде всего бросались в глаза лукавые физиономии епископов и священников, злобные лица крайних реакционеров из крупных землевладельцев-дворян, бывших земских начальников и иных чиновников, мечтавших о губернаторстве или вице-губернаторстве, ненавидевших Думу, грозившую их материальному благосостоянию и их привилегированному положению в обществе»³⁷.

Такое отношение спикера ощущалось депутатами и вызывало у некоторых из них протест. Так, Г.А. Лашкарёв, принадлежавший к фракции правых, 30 апреля 1907 г. подал Челнокову заявление, в котором жаловался на то, что его, «русского, да ещё прослужившего 25 лет на военной службе», Головин останавливал во время речи своими замечаниями. Лашкарёв собирался «после заседания поставить вопрос на личную почву», но после того, как «произошёл инцидент, вызванный выходкою Зурабова»³⁸, «не счёл возможным иметь дело с г. Головиным, — таким он мне показался жалким, растерянным, достаточно наказанным за своё председательство». Поэтому депутат просил секретаря Думы убедить председателя «быть ко мне вполне корректным во избежание осложнений». Челноков, партийный товарищ и личный друг Фёдора Александровича, в тот же день ответил, что, учитывая «всегда неизменно корректное отношение председателя Государственной думы Ф.А. Головина ко всем ораторам Государственной думы», которое ему «хорошо известно», находит «какие бы то ни было переговоры» по данному поводу неуместными³⁹. Позднее, в ноябре 1907 г., бывший депутат, октябрист А.Н. Хорват, направил жалобу председателю III Государственной думы Н.А. Хомякову, обвинив Головина в превышении власти, поскольку 26 мая он, вопреки протестам, назначил рассмотрение в Думе проекта трудовиков, предусматривавшего объявление амнистии, «т.е. как раз такого вопроса, решение коего всецело принадлежит монарху». Когда же Хомяков отказался возбуждать дело, Хорват обратился 30 декабря к министру юстиции И.Г. Щегловитову, которому писал: «Насколько г-н Головин не заслуживает снисхождения со стороны правосудия, как совершавший свои незаконные деяния сознательно и с настойчивостью, слишком хорошо известно Вашему высокопревосходительству». Щегловитов представил по этому поводу специальный доклад, однако, судя по записи, сделанной им на полях 14 февраля 1908 г., «государю императору не благоугодно было удостоить высочайшего уважения жалобу Хорвата»⁴⁰.

Известен также анонимный список проступков, допущенных Головиным после аудиенции у Николая II 10 апреля (вероятно, он был подготовлен и доставлен царю незадолго до третьеиюньского переворота, поскольку события второй половины мая не упоминаются). В нём на четырёх машинописных страницах перечислялись «бестактные действия», состоявшие в замечаниях,

³⁷ Воспоминания Ф.А. Головина о II Государственной думе // Исторический архив. 1959. № 4. С. 148.

³⁸ 16 апреля социал-демократ А.Г. Зурабов выступил с критикой военного руководства. Головин сперва попытался унять оратора, а затем лишил его слова. Тем не менее произошёл крупный скандал, который вызвал у Николая II серьёзное недовольство Думой и её председателем (Записки Ф.А. Головина // Красный архив. 1926. № 6. С. 123—124, 140—147; Зурабов А.Г. Вторая Государственная дума: впечатления. СПб., 1908. С. 179—181).

³⁹ ГА РФ, ф. 810, оп. 1, д. 17, л. 2—4.

⁴⁰ Там же, ф. 124, оп. 46, д. 912, л. 1—3.

сделанных правым депутатам, и в попустительстве левым⁴¹. Между тем ещё в феврале, если не раньше, у императора сложилось о Головине крайне невыгодное мнение, как о полном ничтожестве. «Общее впечатление моё, — писал Николай II матери 1 марта, — что он — une nullité complète!»⁴². Редкие аудиенции не могли его изменить, однако «вызывали некоторое недовольство со стороны левой части Думы»⁴³.

Челноков также опасался, что репутация спикера пострадает из-за того, что тот жил «здесь со своей дамой открыто», и со временем это «приведёт к скандалу, особенно если за этот скандал возмутятся правые». Однако сам Головин, чья семейная жизнь к тому времени давно уже разладилась⁴⁴, спокойно писал письма (зачастую с разницей в один день) и супруге, и «своей даме» — А.В. Скурдиной⁴⁵, сообщая как о думской работе, так и об ужинах в знаменитом ресторане Кюба⁴⁶. Именно Скурдиной Головин написал 2 июня: «Сегодня вечером будет жестокий бой... Роспуск почти неизбежен... Таким образом, скоро — на отдых. Мне жаль, конечно, Россию. Реакция начнётся страшная. И ещё долго, долго будет анархия, обнищание, кровопролитие»⁴⁷. На следующий день он «встал довольно поздно, так как в Думу не спешил ввиду праздничного дня», и узнал о совершённом перевороте от газетного корреспондента⁴⁸.

В III Государственную думу Головин был избран 17 октября 1907 г. от второго разряда городских избирателей Москвы⁴⁹. Впрочем, интерес к законотворческой деятельности у Фёдора Александровича стал угасать: он неоднократно отпрашивался с заседаний в Москву, как правило, для участия в сессиях губернского земского собрания, гласным которого по-прежнему оставался⁵⁰. «Здесь я ничего не делаю, — сообщал он дочери 29 октября 1908 г. — Сижу молча на заседаниях Государственной думы и фракции и зеваю»⁵¹. Подобные отзывы не раз встречаются в его переписке тех лет⁵². В мемуарном очерке «Дво-

⁴¹ Там же, ф. 601, оп. 1, д. 1016, л. 1—2 об.

⁴² Из переписки Николая и Марии Романовых в 1907—1910 годах. С предисловием Ф. Нотвича // Красный архив. 1932. № 1—2. С. 176.

⁴³ Записки Ф.А. Головина. С. 121.

⁴⁴ Его жена, Е.В. Головина, не являлась образцом супружеской верности и родила от любовника дочь, которую Фёдор Александрович воспитывал вместе со своей (*Соловьёв М.В.* Птица певчая. М., 2004. С. 8—9).

⁴⁵ Потомки А.В. Скурдиной сберегли уникальный альбом рисунков Головина, где в шаржированном виде изображены представители его московского окружения — политики (Ф.Ф. Кошкин) и деятели искусства (Андрей Белый, архитектор Ф.О. Шехтель) (*Стивак М.* Три жизни: Мемориальная квартира Андрея Белого на Арбате // Наше наследие. 2005. № 75—76. С. 119; *Белый А.* Между двух революций. М., 1990. С. 173).

⁴⁶ Представительные учреждения Российской империи... С. 55, 63, 69, 79.

⁴⁷ Там же. С. 94—95. По прошествии некоторого времени Головин пришёл к выводу, изложенному в одном из его мемуарных очерков, что кабинет П.А. Столыпина, а также император, несмотря на видимые попытки найти общий язык с парламентом, с самого начала планировали его роспуск: «Теперь, когда вся краткая жизнь Думы известна достаточно подробно, я думаю, что можно безошибочно утверждать, что правительство только по видимости примирилось с Думой. На деле же с того момента, как во время выборов состав Думы определился, оно решило Думу распустить» (РГИА, ф. 1625, оп. 1, д. 4, л. 5).

⁴⁸ Из записок председателя II Госуд[арственной] думы Ф.А. Головина. С. 66.

⁴⁹ РГИА, ф. 1278, оп. 9, д. 192, л. 2—3.

⁵⁰ В 1908 г. он дважды подавал председателю Думы прошение об отпуске в Москву, а в 1909 г. — уже восемь раз (Там же, л. 6—16).

⁵¹ Представительные учреждения Российской империи... С. 128.

⁵² *Соловьёв К.А.* Законодательная и исполнительная власть в России: механизмы взаимодействия (1906—1914). М., 2011. С. 91, 242.

рянство и земство» Головин отмечал: «Ещё два трёхлетия я состоял гласным губ[ернского] земск[ого] собрания, но в работе его не принимал столь горячего участия, как прежде. В это время я был членом Гос[ударственной] думы II и III созыва, большую часть времени жил в Петербурге, но ни одного заседания земского собрания я, однако, не пропустил. Работа в земстве мне всегда казалась продуктивнее и интереснее, чем в Гос[ударственной] думе в период “столыпинщины”»⁵³. Думское руководство частые отлучки депутата явно раздражали. 4 мая 1910 г. оно констатировало: «Член Государственной думы Головин, находившийся в отпусках уже в течение свыше 45 дней, вновь подал заявление об отпуске — с 29 марта по 3 апреля, по причине неотложных дел, и несмотря на последовавшее от Канцелярии уведомление его о том, что новый отпуск может быть ему разрешён на основании ст. 9 Отдела II закона 6 июля 1908 г. только Государственною думою по причине тяжёлой болезни, отсутствовал тем не менее в указанный период времени на заседаниях: от 29, 30, 31 марта и 2, 3 апреля». Причину отсутствия признали неуважительной. Впрочем, назревавший конфликт разрешил сам Головин, добровольно сложив 7 октября депутатские обязанности⁵⁴.

Этот шаг объяснялся не только усталостью от законотворческой работы, но и получением железнодорожной концессии⁵⁵. Тогда же Головин приступил к работе над воспоминаниями, продолжая заседать в земских организациях (а во время Первой мировой войны — и во Всероссийском союзе городов). В 1912 г. он был избран (но не утверждён) городским головой Баку⁵⁶. В 1915 г. ему довелось руководить Московским литературно-художественным кружком и обществом «Помощь жертвам войны», собиравшим деньги на организацию летних колоний для детей беженцев и военнослужащих⁵⁷.

Видную роль Головин играл и среди российских «вольных каменщиков». В ноябре 1908 г. на первом регулярном конвенте русских лож французского обряда он стал членом их Верховного совета, получив посвящение в 18-ю степень. Именно Фёдор Александрович председательствовал на собрании в феврале 1910 г., по итогам которого сменилось руководство российским масонством. При его участии проходили масонские конвенты в 1912 и 1916 гг.⁵⁸ В это же время он регулярно посещал заседания ЦК (и Московского отделения ЦК) кадетской партии, хотя выступал там нечасто⁵⁹.

8 марта 1917 г. Головин возглавил Комиссариат Временного правительства над бывшим Министерством двора. Вместе со своим помощником, гражданским инженером П.М. Макаровым, он вплоть до конца года управлял несколькими десятками учреждений. Большая часть их начальников была отправлена

⁵³ РГАЭ, ф. 9590, оп. 1, д. 105, л. 147 об.

⁵⁴ РГИА, ф. 1278, оп. 9, д. 192, л. 22—23.

⁵⁵ *Гайда Ф.А.* Головин Фёдор Александрович. С. 193. Вероятно, об этой концессии шла речь в его письме к Милюкову: ГА РФ, ф. 579, оп. 1, д. 4101, л. 1.

⁵⁶ *Голостенов М.Е.* Головин Фёдор Александрович. С. 81.

⁵⁷ *Туманова А.С.* Общественные организации России в годы Первой мировой войны (1914 — февраль 1917 г.). М., 2014. С. 84, 202—204.

⁵⁸ *Серков А.И.* История русского масонства (1845—1945). СПб., 1997. С. 112, 114; *Серков А.И.* Русское масонство 1731—2000... С. 256, 257; *Старцев В.И.* Русское политическое масонство начала XX века // *Старцев В.И.* Тайны русских масонов. СПб., 2004. С. 63, 72, 120.

⁵⁹ Протоколы Центрального комитета и заграничных групп конституционно-демократической партии. В 6 т. Т. 3 / Отв. ред. В.В. Шелохаев, сост. Д.Б. Павлов. М., 1998. С. 10, 31—33, 79, 149, 169, 181, 194, 197, 206, 207, 209, 237, 333, 337—339, 341, 346, 351, 352.

в отставку и заменена либо служащими «второго эшелона», либо известными в своей среде профессионалами (такими как дирижёр С.А. Кусевский, ставший руководителем Государственного, бывшего Придворного оркестра), либо лицами, близкими Головину и Макарову. К примеру, Челноков занял пост уполномоченного по делам Русского музея⁶⁰. Судя по приказам комиссара, изданным в марте—ноябре 1917 г., в сферу его компетенции входили прежде всего дела, касавшиеся личного состава ведомства: приём на службу, назначения на должности, перемещения, предоставление отпусков и увольнения, большинство которых производилось «по личному прошению» увольняемых. Кроме того, комиссар имел право (и активно им пользовался) переименовывать и реформировать различные структуры и должности, создавать комиссии и совещания по разбору дворцовых архивов, эвакуации и т.д.⁶¹ Таким образом, власть Головина была вполне реальной и сопоставимой с той, какую имели его предшественники, но с одним существенным ограничением — теперь приходилось считаться с выборными организациями служащих. Там, где они чувствовали силу и возглавлялись популярными лидерами, руководству Комиссариата приходилось идти на уступки. Так, в ходе длительного редактирования «Временного положения об управлении государственными театрами» московские театральные деятели во главе с Л.В. Собиновым добились гораздо большей автономии, чем изначально предполагалось Головиным и главноуполномоченным по государственным театрам Ф.Д. Батюшковым⁶².

О деятельности комиссара современники судили по-разному. К примеру, А.Н. Бенуа, познакомившийся с Головиным 11 марта, «впечатление... получил не особенно выгодное. Не разобрал, что это у него — напускная (уже по должности) угрюмая (вернее, унылая) важность, или это просто форма вялости, граничащая с какой-то... беспомощностью. Тощий, плешивый, с выдающимся (однако не “волевым”) подбородком, со “смешными” длинными, заострёнными, чуть кверху поднятыми усами, в длинном старомодном сюртуке, в котором он себя неловко чувствует. На слова скуп, говорит как-то неохотно и “грустно”, чуть картавя. Потухшие усталые глаза (морфинмана?). Совершенно очевидно, что Макаров будет им распоряжаться, а при случае и прятаться за

⁶⁰ Гордеев П.Н. Комиссариат Временного правительства над бывшим Министерством двора // Российская история. 2017. № 2. С. 59—78.

⁶¹ РГИА, ф. 472, оп. 58 (15 доп.), д. 1, л. 1—133.

⁶² Головин и Собинов даже обменялись открытыми письмами по данному поводу: Головин Ф.А. Письмо в редакцию // Новое время. 1917. 30 апреля; Собинов Л.В. Письмо в редакцию // Там же. 4 мая. Тем не менее 23 августа Головин писал заболевшему артисту: «Хочу только сказать, что я убеждён, что серьёзного расхождения между нами быть не может, т[ак] к[ак] мы оба стоим на одном и том же принципе — принятие широкой автономии театра в области художественной и подчинение его правительственной власти в области хозяйственной и бюджетной. Проведение этого принципа в жизнь, может, конечно, быть намечено разными путями, но при добром желании всех заинтересованных лиц достигнуть цели кратчайшим и простейшим путём окажется, что путь один. Мы его нащупываем в Петрограде, Вы — в Москве. Мы с Вами мало ещё виделись и говорили, а потому, вероятно, между нами ещё имеются какие-то недомолвки. Когда Вы будете чувствовать себя хорошо, то не откажите уделить на беседу со мною и Ф.Д. Батюшковым целый вечер, и я уверен, что мы устраним все недоразумения, которые Вас теперь расстраивают» (РГАЛИ, ф. 864, оп. 1, д. 471, л. 14 об.—15 об.). Подробнее см.: Гордеев П.Н. «Временное положение об управлении государственными театрами»: история создания, редактирования и обсуждения «театральной конституции» 1917 года // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды. СПб., 2012. С. 97—166.

ним»⁶³. 2 апреля после беседы с В.Д. Набоковым художник записал в дневнике: «Относительно Головина он говорил, что это опустившийся человек, вконец разорённый и существующий на средства какой-то женщины (Н. Лукомский откуда-то узнал, что он живёт с сестрой — содержанкой Шехтеля⁶⁴)». Головин, утверждал Набоков, «ничем не дорожит, носит непрестанно при себе револьвер, чтобы в случае надобности с собой покончить». У Бенуа после таких рассказов даже возникло опасение, «как бы в таком случае Головин не вздумал поправлять свои финансы из наследства Романовых?». 7 января 1918 г., сравнивая А.В. Луначарского со «случайными ставленниками Временного правительства», Бенуа находил, что нарком «лично» стоит «гораздо выше бездарного Головина»⁶⁵.

Писательница С.И. Смирнова-Сазонова (вдова актёра Н.Ф. Сазонова и мать актрисы Л.Н. Шуваловой), придерживавшаяся, в отличие от Бенуа, правых взглядов, также была недовольна и 25 июня роптала в дневнике: «Что за птица Головин, можно судить по одной чёрточке. Маргарита Берсон поехала в артистическ[ое] турне, он ей выхлопотал казён[ную] субсидию. Скрипачке, дочери богат[ого] банкира⁶⁶, отвалил субсидию из казны. А с Александрин[ским] театром, с драмой держал себя пренебрежительно. С вами, мол, церемониться нечего. С жидками-банкирами — дело другое. Кадетск[ие] министры, когда дорвутся до власти, ещё себя покажут»⁶⁷.

При этом ближайшие сотрудники Головина по управлению Комиссариатом чаще отзывались о нём совершенно иначе. Так, Макаров вспоминал, что «Ф.А. не мог не возбудить к себе чувства глубокого уважения. Среди всех его знавших правых и левых он всегда возбуждал чувство симпатии и уважения и за мою восьмимесячную работу с ним мне приходилось наблюдать, с каким невольным почтением говорили с ним и лица, приближённые к царю, и разные Церетели и Чхеидзе, приезжавшие к нему на время переговоров с ним, возникших в связи с проектом назначить его наместником Кавказа»⁶⁸. Батюшков отмечал 3 июня в дневнике: «Ф.А. Головин производит как личность обаятельное впечатление и ещё выигрывает от ближайшего знакомства. В ошибках (с кем они не случаются?) признаётся с подкупающей искренностью и очень умно. От интересов театра несколько далёк, но благожелателен»⁶⁹. По словам С.Л. Бертенсона, комиссар пользовался «репутацией высоко образованного, просвещённого и глубоко порядочного человека» и проявил на своём посту «большую твёрдость, выдержку и такт»⁷⁰.

⁶³ Бенуа А.Н. Дневник. 1916—1918. М., 2010. С. 159, 160.

⁶⁴ Головин действительно был близко знаком с Ф.О. Шехтелем, разработавшим для него в 1907 г. проект усадебного дома: *Нащокина М.В.* Архитекторы московского модерна. Творческие портреты. М., 2005. С. 472.

⁶⁵ Бенуа А.Н. Указ. соч. С. 244, 245, 652.

⁶⁶ Имеется в виду О.С. Берсон — купец 1-й гильдии, владелец банкирского дома «Берсон и К^о» (Весь Петроград на 1917 год. Пг., 1917. Отд. III. С. 59).

⁶⁷ РО ИРЛИ, ф. 285, д. 66, л. 164.

⁶⁸ ГА РФ, ф. Р-5881, оп. 2, д. 465, л. 33.

⁶⁹ Дневниковые записи и мемуарный очерк Ф.Д. Батюшкова о его пребывании на посту главноуполномоченного по государственным театрам в 1917 году (из собрания Рукописного отдела Пушкинского Дома) / Публ. П.Н. Гордеева // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2013 год. СПб., 2014. С. 365.

⁷⁰ Бертенсон С.Л. Вокруг искусства. Холливуд, 1957. С. 210, 213.

Головин пытался по мере сил облегчать положение служащих бывшего придворного ведомства, которые, за исключением высшего звена, после Февральской революции стали требовать увеличения окладов и материальной помощи (выдачи обмундирования, временного оставления увольняемых в казённых квартирах и т.д.). 27 апреля он учредил под председательством присяжного поверенного А.О. Кана «Особую комиссию по жалобам», разбиравшую прошения вплоть до прихода к власти большевиков⁷¹. Комиссару приходилось заниматься перепиской с различными министерствами об отсрочках для лиц, призываемых в армию⁷², о правах своих подчинённых на служебное жильё (19 августа он созвал «Особое совещание по вопросу о распределении помещений в зданиях, подведомственных б[ывшему] Министерству двора»)⁷³ и т.п. 25 июня министр-председатель правительства кн. Г.Е. Львов сообщил Головину о письме министра иностранных дел М.И. Терещенко, в котором говорилось, что «ныне, за упразднением Гофмаршальской и Конюшенной части», на МИД «всецело возложены заботы по приёму прибывающих в Петроград чрезвычайных посольств и миссий», но он испытывает затруднения в снабжении их продовольствием и средствами передвижения. Князь, напоминая, что иностранные дипломаты «почитаются гостями Временного правительства», просил Головина «не отказать в зависящих распоряжениях относительно порядка отпуска в этих случаях средств передвижения». 27 июня комиссар отвечал, что «заботы по приёму прибывающих в Петроград чрезвычайных посольств и миссий всецело лежат на гофмаршальской и конюшенной частях бывшего Министерства двора, которые в этих случаях действуют согласно указаниям Министерства иностранных дел», однако Министерство продовольствия и Главный продовольственный комитет отказываются снабжать бывшую гофмаршальскую часть продуктами, а бывшую придворную конюшенную часть — фуражом для лошадей⁷⁴. В начале сентября Головин циркулярно уведомил начальников подведомственных ему учреждений, что ввиду «вздорожания жизни и с целью предоставления больших удобств служащим установлений б[ывшего] Министерства двора предполагается войти в сношения с Министерством продовольствия для получения из этого министерства основных продуктов потребления для служащих вверенного вам установления»⁷⁵.

Осенью 1917 г. Головин поручил высшим чиновникам Комиссариата начать подготовку его преобразования в Главное управление государственных художественных имуществ и учреждений, которое носило бы уже не переходный, а постоянный характер. Возможно, он рассчитывал стать главноуправляющим. «Совещание по пересмотру штатов бывшего Министерства двора» во главе с начальником Канцелярии бывшего Министерства императорского двора кн. С.В. Гагариным провело с 2 октября по 4 декабря пять заседаний, выработав соответствующий проект, оказавшийся, впрочем, не востребованным. Сам Головин в середине октября уехал в Москву, где его и застало падение Временного правительства. В Петроград он уже не вернулся, назначив 4 ноября испол-

⁷¹ Гордеев П.Н. Особая комиссия по жалобам при Комиссариате Временного правительства над бывшим Министерством двора // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. История. Политология. Социология. 2018. № 3. С. 35—38.

⁷² РГИА, ф. 472, оп. 66, д. 595, л. 1, 17—19, 22—45 об., 52—52 об., 54—54 об., 72, 81—88.

⁷³ ГА РФ, ф. 1907, оп. 1, д. 4, л. 7—10.

⁷⁴ РГИА, ф. 472, оп. 66, д. 636, л. 10—12 об. Такое же отношение Головин отправил и на имя М.И. Терещенко.

⁷⁵ Там же, ф. 473, оп. 3, д. 774, л. 42.

няющим обязанности комиссара Н.Э. Рюдмана, ранее управлявшего бывшим Кабинетом его величества⁷⁶.

Со своей стороны, Головин даже в декабре 1917 г. пытался влиять на судьбу если не всего ведомства, то, по крайней мере, отдельных его служащих. Так, в марте 1918 г. чины Георгиевской гренадерской роты (бывшая Рота дворцовых гренадер), жалующься комиссару по Управлению московскими дворцами П.П. Малиновскому на тяжёлое материальное положение, указывали: «В октябрьскую революцию мы лично обратились к бывшему комиссару Головину, который и ходатайствовал перед Министерством финансов об отпуске действительно нуждающимся гренадерам надбавок на дороговизну, как Вам об этом было известно, в последних числах декабря 1917 года»⁷⁷.

Однако Головин принимал участие в событиях 1917 г. не только как комиссар Временного правительства, но и как видный деятель кадетской партии, заседавший в её ЦК⁷⁸. 27 апреля, в разгар кризиса, вызванного публикацией «ноты Милюкова», выступая на торжественном заседании думцев всех созывов (на котором и председательствовал вместе с М.В. Родзянко), он заявил, что «несмотря на десятилетнюю реакцию, несмотря на государственный переворот, совершённый Николаем II 3 июня 1907 г., провозглашённые первой Гос[ударственной] думой политические идеалы не потерпели крушения и не померкли... Это семя, посеянное Первой думой, дало здоровые всходы. Её преемница, Вторая дума, взрастила их, помогла им окрепнуть, пустить крепкие корни в народную толщу. Ни Столыпин, ни закон 3 июня не смогли заглушить этих всходов. Под холодным покровом реакции они не погибли, они дожили до новой весны. И вот теперь мы являемся свидетелями их бурного, безудержного роста, сулящего небывалый, невероятный урожай»⁷⁹.

Вскоре после начала «наступления Керенского» Головин председательствовал и выступал, вместе с другими кадетскими лидерами, на организованном в Михайловском театре «Митинге победы»⁸⁰. Спустя месяц партия выдвинула его кандидатом в члены Учредительного собрания⁸¹. 14 августа на московском Государственном совещании, соглашаясь с мнением А.Ф. Керенского о том, что государство переживает «смертельную опасность», он выдвинул «единственное требование» — «чтобы правительство обладало полнотой власти, чтобы оно было сильно, чтобы его воля проявлялась и осуществлялась в жизни без каких-либо задержек». Свою речь Головин завершил пафосным призывом: «Граждане великой России, дадим же это доверие нашему Временному пра-

⁷⁶ Гордеев П.Н. Председатель II Государственной думы Ф.А. Головин — комиссар Временного правительства над бывшим Министерством двора // Таврические чтения 2011. Актуальные проблемы истории парламентаризма. СПб., 2012. С. 178—182.

⁷⁷ ГА РФ, ф. Р-1056, оп. 1, д. 15, л. 13 об.

⁷⁸ Протоколы Центрального комитета... Т. 3. С. 372, 373.

⁷⁹ Торжественное заседание членов Государственной думы всех созывов // Вестник Временного правительства. 1917. 28 апреля; Торжественное собрание членов Гос[ударственной] думы всех созывов // Речь. 1917. 28 апреля.

⁸⁰ Митинг победы // Новое время. 1917. 20 июня.

⁸¹ Кадетские кандидаты в Учредительное собрание // Там же. 27 июля. 1 октября ЦК включил его также в комиссию из семи человек, которой поручалось рассматривать все вопросы, касавшиеся выдвижения кандидатур в Учредительное собрание (Протоколы Центрального комитета... Т. 3. С. 405).

вительству, дадим ему силу окончить громадный труд, который лежит на нём, [и] тем спасти Россию от гибели и сделать её великой и свободной»⁸².

Во время корниловского выступления проживавший в Зимнем дворце (в казённой квартире комиссара) Головин уговорил Керенского принять Милюкова и М.В. Алексеева⁸³. Макаров объяснял роль Головина в этих переговорах тем, «что это был человек, которого Керенский задолго до этого уважал и никогда не позволял себе никаких фамильярностей, которые он себе позволял всё чаще и чаще по мере приближения к катастрофе — по отношению ко всем его окружающим, но к Ф.А. он продолжал относиться, как и раньше, с большим уважением»⁸⁴.

В начале 1918 г. Совнарком смог, наконец, установить контроль над бывшим придворным ведомством. Головин же всё больше отстранялся от политической деятельности, захват власти большевиками и последовавшая затем Гражданская война, по-видимому, вызвали в его душе глубокий переворот. Он набрасывает очерк «Последние Головины», задуманный, видимо, как вступление к так и не написанной им истории рода, продолжающей и дополняющей работу П.С. Казанского⁸⁵. «Теперь 1919 год, — отмечал Фёдор Александрович. — Протекло 72 года со дня издания этой книжки. Из старшей линии Головинского рода, если не ошибаюсь, из всех вообще несомненных членов этого рода, остался на свете я один, в возрасте 51 года, имея двух дочерей, но ни одного сына. Следовательно, я являюсь последним из Головиных. С моей смертью гаснет и наш род. Это обстоятельство натолкнуло меня на мысль продолжить сделанное проф. П. Казанским жизнеописание членов рода Головиных, чтоб осталось интересное в историческом и бытовом отношении полное описание истории рода от самого его зарождения и до его прекращения, причём история многовековая, обнимающая период в 528 лет»⁸⁶. Вспоминая своих предков — «казначеев царских, бояр, окольных, стольников, камергеров, камер-юнкеров, генералов, адмиралов, гусарских поручиков, монахов, а больше всего собирателей св[ятых] мошей, древних икон, храмоздателей и основателей монастырей», которые занимали «высокое положение при дворе русских царей», на чьих глазах «объединялась, росла, крепла Русь, превращаясь в великую державу, во Всероссийскую империю», бывший комиссар с грустью спрашивал себя: «А теперь?! Последний из потомков видит, как могущественная ещё недавно империя распалась на части, как поля и города её обливаются кровью в братоубийственной, гражданской войне. А он сам, больной и старый, таскается ежедневно на службу в кооперативный страховой союз, пишет там “отношения” и “письма” и пассивно наблюдает “классовую борьбу” в период “диктатуры пролетариата”!»⁸⁷ Чем кончится наступивший период русской истории, период великой революции? Не перекинется ли “большевизм” в Западную Европу, не охватит ли он весь мир, как мечтает вслух т. Ленин, вот грозный вопрос, который стоит перед современным человечеством»⁸⁸.

⁸² Государственное совещание. М.; Л., 1930. С. 53, 55; Речь Ф.А. Головина // Раннее утро. 1917. 15 августа.

⁸³ Милюков П.Н. История второй русской революции. М., 2001. С. 401—403.

⁸⁴ ГА РФ, ф. Р-5881, оп. 2, д. 465, л. 33.

⁸⁵ Казанский П.С. Родословная Головиных, владельцев села Новоспасского. М., 1847.

⁸⁶ РГИА, ф. 1625, оп. 1, д. 1, л. 2—3.

⁸⁷ Далее в тексте следовала зачёркнутая Головиным фраза: «Жалкий последний аккорд — диссонанс сыгранной мощной симфонии!».

⁸⁸ Там же, л. 2—4.

В первые годы советской власти Головин, судя по его следственному делу 1921 г., «оставался председ[ателем] Моск[овского] ком[мерческого] страх[ового] общ[ества] до его уничтожения», затем служил «в кооперат[ивном] стр[аховом] союзе, при слиянии этого отдела со страх[овым] отд[елом] Центросоюза переведён в этот союз». В 1918 г. его задерживали сотрудники московской ЧК, но, как пояснял он три года спустя, «тогда я арестован не был и находился на свободе под обязательство не выезжать из Москвы». Арестовали его 27 августа 1921 г. в связи с постановлением, принятым 23 августа Всероссийским комитетом помощи голодающим (в президиум которого входил Головин). Оно осуждало большевиков, не выпускавших делегацию Помгола за границу и ограничивавших возможность его самостоятельных действий в России. «С фразой в этом постановлении “Сколько бы членов комитета не выезжало сейчас на места, это не прибавило бы там продовольствия и нисколько (так в тексте. — П.Г.) не изменило бы общего положения дел” я согласен..., — заявил Головин 30 августа на допросе сотруднику ВЧК Шиманкевичу, — считая, что члены комитета, выехавшие на места по предписанию власти, а не по постановлению комитета, явились бы на местах чиновниками правительства и утратили бы характер общественных деятелей». Чекистов также заинтересовали посвящённые Головину и найденные у него при обыске стихи неизвестного автора; строки «Добьют тебя иль ты спасёшься / И вновь взойдёт твоя звезда» были подчёркнуты следователем⁸⁹.

В итоге, хотя Фёдор Александрович не признал себя «виновным в соучастии в организации, имеющей целью срыв политики советской власти», Шиманкевич, «принимая во внимание наличие данных, уличающих гр. Головина в приписываемом ему преступлении», постановил привлечь бывшего председателя Государственной думы «к настоящему делу в качестве обвиняемого и до окончания следствия содержать под стражей». Однако вскоре руководителей Помгола решили освободить из заключения⁹⁰, и уже 17 сентября в следственном деле появилась (без подписи) резолюция уполномоченного ВЧК, предписывавшая освободить Головина «в виду того, что в процессе следствия и обыском ничего преступного не обнаружилось»⁹¹. Всю эту эпопею он перенёс с большим спокойствием и выдержкой. По свидетельству члена Помгола писателя Б.К. Зайцева, «самым невозмутимым из нас оказался Ф.А. Головин». Зайцев, находившийся с ним в одной тюремной камере, вспоминал: «Он лежал на спине. В его правильном, лысом черепе блеснул, как на слоновой кости, луч электричества. Руки аккуратно сложены накрест, белые брюки в складки, жёлтые ботинки, воротнички даже не расстёгнуты. (Он и позже спал всегда в полном параде. Объяснял так, что если ночью позвонят на допрос или расстрел, то нельзя выходить на такое дело не в порядке)»⁹².

Старому земскому деятелю судьба отпустила ещё 16 лет жизни. Он так и не уехал из Советской России, хотя его и ожидали друзья-эмигранты⁹³. Сохранились у него отношения и с прежними друзьями из мира искусства, ставшие

⁸⁹ ГА РФ, ф. 10035, оп. 1, д. 34026, № П-35258, л. 8 об.—9, 14.

⁹⁰ Макаров В.Г., Христофоров В.С. К истории Всероссийского комитета помощи голодающим // Новая и новейшая история. 2006. № 3. С. 202—205.

⁹¹ ГА РФ, ф. 10035, оп. 1, д. 34026, № П-35258, л. 9 об., 15.

⁹² Зайцев Б. Весёлые дни // Возрождение. 1928. 12 февраля.

⁹³ «Жду с нетерпением Ф.А. Головина и Е.К. Кускову», — писал из Парижа Макарову адвокат и масон С.А. Балавинский (ГА РФ, ф. Р-6632, оп. 1, д. 72, л. 9). Письмо не датировано, но, судя по содержанию других писем Балавинского, относится к 1921 г. (Там же, д. 52, л. 1, 4).

особенно тесными в 1917 г. Так, 25 марта 1923 г. Фёдор Александрович обращался к В.И. Немировичу-Данченко: «Прошу Вас предоставить мне, если можно, ложу в Худ[ожественном] театре на “Сверчка”. Беспокою Вас этою просьбой с Вашего любезного разрешения, данного мне Вами лично»⁹⁴. Перед А.И. Сумбатовым-Южиным, которого знал как минимум с 1911 г.⁹⁵, он ходатайствовал 6 января 1924 г. за «давнишнюю, хорошую знакомую» — стоматолога А.В. Левинсон, рассчитывая пристроить её врачом при Малом театре⁹⁶. До 1930 г. Головин «служил по найму» в разных учреждениях, затем вышел на пенсию, продолжая жить в той же квартире, на которой был арестован в 1921 г. (Большой Козихинский переулок, дом 27, квартира 7)⁹⁷.

Постановление об аресте Головина было вынесено 16 сентября 1937 г. начальником Советского районного отделения Управления НКВД по Московской обл. капитаном госбезопасности П.И. Конякиным, а затем утверждено начальником IV отделения Управления НКВД по Московской обл. капитаном госбезопасности М.И. Персицем и начальником Управления НКВД по Московской обл. комиссаром госбезопасности 1 ранга С.Ф. Реденсом⁹⁸. На следующий день сотрудники НКВД Луневский и Дергачёв произвели обыск в квартире бывшего председателя Государственной думы, после чего он был арестован и в тот же день допрошен Конякиным, задававшим вопросы как о событиях 20-летней давности⁹⁹, так и о «враждебном настроении» Головина и его окружения в 1930-е гг. В частности, следователя интересовало, знаком ли Головину бывший член IV Государственной думы М.Х. Готовицкий. «Знаю Готовицкого с 1904 г., — заявил Фёдор Александрович, — познакомился с ним на земском съезде. С тех пор не встречался с ним до 1935 года, а возможно и до 1936 г.». К тому времени у Конякина уже были «показания» сломленного допросами Готовицкого (9 октября его расстреляют), судя по характерным речевым оборотам, «признавшегося» 11 сентября под диктовку чекиста, будто «в разговорах с Головиным на политическую тему он говорил: “Ну и Советская власть, довели нас до нищенства... Раньше при царизме народ жил в прекрасных условиях, а сейчас нет жизни и никакой перспективы”. По вопросу войны Головин проявлял пораженческие настроения. “В предстоящей войне победа будет на стороне капиталистов”». Когда Головин сказал, что общался с Готовицким, однако «контрреволюционных разговоров» с ним не вёл, следователь возразил: «Ваш ответ неискренний, т[ак] к[ак] нам достоверно известно об этих разговорах». Тем не менее Фёдор Александрович продолжал отклонять надуманные обвинения, так в итоге ни в чём и не сознавшись: «По материалам следствия Вы уличаетесь, как враждебно настроенный к вождям ВКП(б) и проявляли по отношению их (так в тексте. — *П.Г.*) одобрение террористических действий? — Если против меня есть такие материалы, то я их отрицаю. Терро-

⁹⁴ Музей МХАТ, Н.-Д., № 3746, л. 1.

⁹⁵ РГАЛИ, ф. 878, оп. 1, д. 891, л. 1.

⁹⁶ Там же, л. 4—4 об.

⁹⁷ ГА РФ, ф. 10035, оп. 2, д. 4392, № 19359, л. 4 об., 6. Там же в 1937 г. жила его дочь Ирина, работавшая в Институте повышения квалификации преподавателей; другая дочь, художница Ольга, жила в Петровско-Разумовском (*Соловьёв М.В.* Птица певчая. С. 8—9).

⁹⁸ ГА РФ, ф. 10035, оп. 2, д. 4392, № 19359, л. 1.

⁹⁹ Так, арестованному пришлось отрицательно отвечать на вопрос: «Известно ли Вам, что ЦК партии кадетов вынесло решение об организации белогвардейских армий?» (Там же, л. 3—3 об.).

ристические действия не одобрял. — Установлено, что восхваляли фашистский строй. Признаёте ли это? — Нет, не подтверждаю. Фашизм я не одобрял»¹⁰⁰.

Помимо «признаний» Готовицкого, в распоряжении НКВД имелись показания добровольного доносчика — заведующего базой «Заготзерно» В.И. Зубкова, проживавшего в том же доме на Большом Козихинском (в квартире 14). «Головина Ф.А. я знаю с 1921 г., — сообщал он про своего соседа чекистам, — по совместному проживанию в одном доме». Далее «свидетель» утверждал: «Я могу охарактеризовать Головина Ф.А. с политической стороны как человека явно враждебно настроенного к Советской власти, систематически выражающего недовольство к мероприятиям Советской власти. Группирует вокруг себя чуждых Советской власти людей, ведёт а/с агитацию. Рабочая часть дома на всём протяжении Советской власти вела с Головиным Ф. борьбу, как с классово чуждым элементом». Этого хватило для того, чтобы 21 ноября НКВД вынес постановление о применении высшей меры наказания. 10 декабря 1937 г. семидесятилетний старик был расстрелян на Бутовском полигоне. В 1989 г. его реабилитировали¹⁰¹.

Ф.А. Головин был лишён качеств крупного государственного деятеля. Его отличали вежливость, корректность, культурность, доброжелательность, но не решительность и настойчивость в постановке и достижении цели. Недоставало ему и понимания психологии тех, с кем он общался (того же Николая II или П.А. Столыпина и др.). Отсутствие у Головина какого-либо плана и просто заинтересованного отношения к делу особенно сказалось в 1917 г. Руководящей воли комиссара в подчинённом ему тогда ведомстве почти не чувствовалось, вследствие чего к обсуждению серьёзных преобразований приступили лишь накануне свержения Временного правительства. Почему же кадетская партия и близкие ей круги выдвигали его в ЦК, в председатели Государственной думы, в комиссары и члены Учредительного собрания? Ведь характерно, что тот же Челноков, который как политик был, возможно, крупнее Головина, в 1907 г. являлся лишь секретарём Думы при своём друге-председателе, а в 1917 г., благодаря ему же, устроился уполномоченным по делам Русского музея. Видимо, тут сказывались и переплетались и обаяние известной старинной фамилии, представительной внешности и безупречных манер, и дружеские связи с влиятельными людьми, и репутация «компромиссной фигуры», позволявшая занять пост спикера, навсегда уже закрепивший за Фёдором Александровичем место в политической элите и предопределивший его трагическую гибель в советской Москве.

¹⁰⁰ Там же, л. 7—9.

¹⁰¹ Там же, л. 10—11 об., 16—18 об.